

Алексей Давыденков

КОСНУВШИСЬ ДЕРЕВА...

КНИГА СТИХОТВОРЕНИЙ

Санкт-Петербург, 2012

От составителя:

Алексей Давыденков (1952–2011) собрал эту книгу за неделю до смерти. Задача была: сделать «Избранное» — небольшого объема, нечто вроде визитной карточки. Поэтому многие стихи, которые Леше были дороги, не попали сюда. Теперь, когда речь идет о более полном собрании стихотворений, я позволила себе добавить некоторые вещи, «оставшиеся за бортом» именно из-за ограниченного объема. Это «Стихотворения, не вошедшие в книгу». Думаю, Леша был бы рад увидеть их напечатанными.

Н. П.

В оформлении шмуцтитлов использованы рисунки
Алексея Давыденкова

- © Н. Перевезенцева, составитель, 2012
- © Н. Симоновский, фото А. Давыденкова, 2012
- © П. Юдина, обложка, 2012
- © В. Земских, макет, 2012

АВТОБИОГРАФИЯ*

Аз имярек удостоверяю сим, что явился на свет Божий в г. Ленинграде (1952 г.) в качестве специфического подарка для своей матери, у которой в тот именно день (14 июня) намечался собственный — ее — день рождения.

Окончив в 1969-м среднюю школу, поступил в ЛГПИ (ныне РГПУ) им. А. И. Герцена на факультет русского языка и литературы, где проучился до середины III курса. Выпал по собственному желанию, которое заключалось в безудержном стремлении мчаться на заработки в Якутию, — военкомат, однако, опередил, и мечты о Севере обернулись реальным призывом на Северный флот.

По завершении службы работал монтировщиком декораций в театре имени Комиссаржевской, затем — грузчиком типографии им. Володарского; в 1979-м вернулся в стены родного вуза в качестве оператора газовой котельной, коим остаюсь — всё там же — по настоящий день (в 2004 году был об этом снят и показан телесюжет, — 5-й канал, передача «Утро в большом городе»). Расхаживал по котельной, читал стихи, демонстрировал розжиг котла и ненавязчиво давал понять TV-зрителям и -льницам, что я «еще ничего»). Работу в институте долгое время совмещал с работой в театре (в основном — в период летних больших гастролей), а также с выездами в Коми АССР на «шабашки».

Верность alma mater увенчалась созданием, под кровом ея, самиздатовского альманаха «ТОПКА», который мы с Ольгой Бешенковской выпускали вплоть до принятия закона о свободе печати, после чего самиздат утратил прежнюю актуальность. Название альманаха расширявается как «Творческое Объединение

* Автобиография написана в 2007 г. В период 2007–2011 гг. стихи Алексея Давыденкова печатались в антологиях: «Петербургская поэтическая формация» (2008); «Актуальная поэзия — АКТ на Пушкинской 10». (2009); «Собрание сочинений», т. 2 (2010), а также в журналах «Зинзивер» и «Северная Аврора». Пьеса «Прощание с Клитемнестрой» была поставлена театром в Хельсинки, о чем автор с удивлением узнал из Интернета. Проза — неоднократно в журнале «Зинзивер». Посмертные публикации: «Зинзивер» (2011), «Северная Аврора» (2011.). — *Примеч. сост.*

Пресловутых Котельных Авторов», — там и печатались исключительно авторы-кочегары, за счет чего формировалась когорта «писателей от котла» в пародийный противовес существовавшим уже «от станка», «сохи» и т.д. В 1997-м мною был отпечатан на ксероксе 300-страничный дайджест всех вышедших номеров тиражом около 40 экземпляров.

Первая публикация — одно стихотворение в журнале «Аврора» (1987 год), затем — длительное (в плане публикаций) затишье. С конца 90-х — 3 подборки в журнале «Нева» (общее число — 25 стихотворений), две — в журнале «АКТ», по одной — в журналах «Северная Аврора» (СПб) и «7+7я» (Германия); дважды публиковался в русско-немецко-украинском журнале «Крещатик», а также в антологиях «Город-текст» (Германия) и «Стихи в Петербурге. 21 век» (СПб). В 1997-м отпечатал на ксероксе (по оригинал-макету Валерия Земских) книгу стихотворений «Нить» тиражом около 150 экземпляров; следующая книга («Отзыв») размещена в Интернете на страничке Дмитрия Григорьева.

Проза: три коротких рассказа в журнале «Зинзивер» (СПб), еще короткий — в журнале «Футурум-арт» (Москва) и один менее короткий в донецком «Дикое поле».

В 2006-м в немецком альманахе «Век XXI» опубликовано критическое эссе... Таким образом, круг (или область) творчества очерчивается как «эпос — лирика — эссеистика»; за счет интернет-изданий, он (она) расширяется до драмы: журнал «Сетевая словесность», пьеса, — и, кстати, там же — повесть «Сильвер, или Черная метка».

На том об основных публикациях, пожалуй, всё. С 2000 года состою в членах Российского союза профессиональных литераторов, — правда, в членском билете датой вступления указан 200-й — и не уточнено, какой эры.

Так, с каких-то пор, и живу.

Алексей Давыденков

I. КОСНУВШИСЬ ДЕРЕВА...

* * *

Ветер играет обрывками слов.
Фразы рождаются, чтоб реять и таять.
Жди, чтобы к берегу принесло
Вздых — в утешение, льдинку — на память.

Ныне твой город тебя отпоёт
Стоном трамваев на том повороте,
Да под пролётами ладожский лёд
Спросит про эхо ночных подворотен.

Ныне всё то, что рождало не раз,
Долгие ночи, дразня именами,
Трудную силу не помнить о нас
В память всего, позабытого нами, —

Сгинет, мелькая лохмотьями чувств.
Сколько мелодий у вашей капели!..
Будет ли лето?.. — Не поручусь:
Всё отзовётся — в стихе ли, в толпе ли.

* * *

Я смеюсь.

Я смеюсь, задыхаясь от смеха и слёз.

Удалось!

Удалось расписаться в своем малодушье,

не дрогнув

рукою.

Я не стану другим,

и с другим

ты не станешь другою

от волос —

от покорных ступней

до волос.

Это дрожь...

Это смех, замыкающий дрожь.

Я сказал тебе всё,

ты поймешь,

если ты обернёшься.

Как легко ты идешь...

Брызги света во мглу...

Это дождь

и газетный киоск на углу...

Ты

смеёшься.

* * *

Коснувшись дерева,
пошёл в свое гнездо.
Лифт не работал. Лестничное эхо,
Столь благодарное за всякий знак простой,
За невзначай подаренное слово,
Трудилось кропотливо над шагами,
Столь поздними. По клеткам этажей
Летали голуби. Их крыльев я не слышал,
И, впрочем, свет зажётся не везде.
А впрочем — был бы свет в моем гнезде:
Он за окном рассеивает мрак
Недалеко, но виден издалёка...
Взойдя на свой этаж, я видел, как
Сгустилась тьма в расщелине пролёта.
Я закурил под дверью.

Тишина

Была прозрачна: голоса за дверью,
Мешаясь с голосами за окном,
Перекликались — внутренний и внешний.
И фон струился музыки небрежной
(Должно быть, радио). Потом все эти звуки
Угасли постепенно, чувства все,
Обследовав «материю», вернулись
С единым ощущением: пустоты.
И было слышно, как из-за черты
Охвата чувств вздохнула нимфа Эхо.

* * *

Даже и в снах моих ночь полна
Огнями большого города...
По черному небу плывет луна.
Она
огромна.

Наверно, поздно... Часа три.
Она изучает земные подвиги.
Молчат, потупившись, фонари
И светят в снег себе под ноги.

Она подробна в убранстве крыш,
Царя бездумно в убранстве комнат.
Вот я проснулся, вот ты — спишь.
Всё
спокойно.

Твоя рука на моей, — как крест.
Луна заполнила их сосуды...
Она сейчас осветила лес
За тысячу верст отсюда!

Легко дробится дорожка сна,
Шуршат пересохшие русла города,
Ты спишь... Ни с кем я земли не знал.
Будь всё, как тебе угодно.

* * *

Теряя листья, обретаешь гордость.
Стоишь, где прежде, наг и независим, —
И можешь не смотреть, как там, по листьям,
Гуляют люди. Обретаешь силу
Сказать дождю: «Ты никому не нужен, —
Пора быть снегу, бедный мой собрат:
Ты что, не понял, что пора быть снегу?
Ну, что ж — приди на землю, если так,
И надо мной пролейся напоследок».
Узор ветвей на свет сквозящий редок.
Теряя листья, обретаешь слабость
К последнему — затем, что он один,
И потому, что он один, как ты.
Вон, там, чернеется на фоне неба...
Дождь перестал. Прозрачные жгуты
Последних слов, запутавшихся в кроне, —
Я все обрёл, и было бы нескромно
Все вновь беречь... Но громоздятся корни,
Последний лист срывается во тьму, —
Стоишь один, покорствуя всему,
Покуда свет озимых горних смол
Омоет ствол, не задевая веток.

* * *

Борису Григорину

Кружи́т, метёт... Сказать, что «всё бело» —
Не много, скажем, чести намело
Стихам твоим... Метёт, кружит и ва́лит.
Темнеет. Пузырьки квадратных ниш
Так откровенно свет теряют, лишь
На нижнем этаже, в полуподвале
Пылает обречённое окно.
Поэт волшебных струн коснулся, но
Его не в такт к суровой клонит прозе.
Он думает: «Не жду ли я гостей?
О, нет...» — И чай настоящий густей.
Тем часом дверь в котельную заносит.

Кружит, метет... Не ты ли, друг, сказал,
Что я ни разу снег не описал?
Прими ж мой дар, — он вряд полнее горсти, —
Ведь истинным творцом сочтётся тот,
Кто, оценив, как кру́жит и метёт,
С лопатой придёт к поэту в гости.

* * *

Так подробно расцвечен двор,
Что как будто и не рождался
Тот неведомый, от кого
Чёрный след на снегу остался.

В немоте моих дел и бед,
Сам неведом себе и странен,
Я пройду, не ступая в след,
Не оглядываясь. Растает

Дробный гул в пустоте ворот.
Поживиться проспекту — нечем...
Снег помедлит — и заметёт
Наши правды, запинки, речи...

* * *

Возле дерева постой.
Перейди к другому.
Под деревьями не столь
Хорошо, как дома.

Вон их два, четыре, пять,
А вдали — шестое...
Не пора ль учиться спать,
Как деревья — стоя?

Звезд целительная дрожь.
Тихий свет напротив...
Потерпи: пройдёт и дождь.
Как и всё проходит.

* * *

Вкусивший лотоса от тополя
И свет забывший на корню
Увидит сад полузатопленный
И огибающих скамью

Двух серых уток, — и, растерянный,
Невольно в воду оступясь,
Он отразится в ней, как дерево...
Почти уловленная связь

Живого облика и образа
Почти отвергла путь прямой, —
Но не забыть вкусившим лотоса
Поры забвенья своего.

Ночами темными и теплыми,
Когда и в сны сочится дождь,
Ты видишь сад полузатопленный,
Ты медлишь миг, сейчас уйдешь, —

Но сад, без ветра расшатавшийся,
От ветра встречного затих...
И всё на этом. Но и дальше всё —
Прости — на этот же мотив.

* * *

Только и спрос: сосчитав до трех,
Всё, что сочлось, разбросать на двух.
Ты еще тонок в судьбе, мой бог.
Я еще дорог тебе, мой друг.

Тайный ли страх, беспричинный гнев —
Да не остудят ничьих святынь.
Я еще верю, сходя на нет,
В темную душу моей звезды.

Темную душу мою, взамен,
Примете той, какова пришлась.
Я уже чую, привстав с колен,
Грузную силу имущих власть, —

Праздные кисти упавших рук
Только себе — не всему! — итог.
Ты еще судишь меня, мой друг.
Ты еще веришь в меня, мой бог.

* * *

Как бы ни жил: активно ль радуя всяких близких,
Или не близких, иль неактивно, иль — огорчая, —
Меня подчас навсегда вычёркивают из списков
И, вместе с тем, в какие-то списки пока включают.

Бросая тень, устремляя дух, убажывая тело —
От сизых скрепок в углу страниц никуда не деться.
А что, мол, велено сокращать... Не в бумажках дело!
Бывает, вычеркнут из графы, а запишут
в сердце.

И, даже если с лица земли весь бумажный ворох
Единым блоком в озонный слой совершит свой выброс —
Лишь станет хлеще казённый стиль канцелярий горних,
И безответней твои (хоть вой!..)
«я бы волком выгрыз»...

Но уж зато (и надежды хмель, и печаль, как будто) —
Вкушая плод, прилагая труд, сознавая бренность, —
Чую нутром: когда меня вычеркнут отовсюду —
Меня куда-то опять внесут — никуда
не денуть!..

**На скамейке возле Инженерного замка
читаю в дождь знаменитого поэта эпохи Тан**

Зелёная скамеечка цепная
И розового пластика, как парус,
Над ней навес. Как странно я сижу:
Я лишь присел перелистать Ван Вэя,
Тут дождь — и мне не встать. Легко колеблем
На крашенных цепях (как кот ученый),
Могу читать: лишь в этом обретенье
Тех связей, что отрезаны дождем.

Продажа флоксов

Неощутимый излет, разлад
С сонмом гвоздик и иных культур.
Осень, — она подаёт нам знак:
«Видите? Я приду».

Тетка на рынке, устав сидеть,
Выдернет ценник из-под ведра.
Осень, — она говорит: «Я здесь.
Мне еще не пора».

Зори легки, синева густа.
Нет ни листвы мне, ни даже тени.
Я — лишь тому, кто уже устал
В зелени, в буйном слепом цветенье».

* * *

— Когда же, когда же?..
— Когда будет поздно.
Когда будет ясно,
И шаткие звезды
Затеют нехитрые тайные речи...
— И ты меня встретишь...
— И я тебя встречу.

— И ты меня вспомнишь?
— И я тебя вспомню.
Минутная полночь,
Швырнувшая полдню
Разбуженных клавиш поспешный веночек...
А дальше ты знаешь...
— А дальше — как хочешь...

И ты меня бросишь?
— И я тебя брошу.
Окликнет ли осень,
Затянет пороша,
Нашепчут слова про «всегда» и «повсюду»...
— И ты позабудешь...
— Я — всё позабуду.

— А дальше — когда же?
— Когда им поверим.
Дорога одна:
По шипам, по траве ли,
И — дальше, — по чистому бледному полю...
— И ты меня встретишь...
— И я тебя вспомню.

* * *

А еще — деревья... Стонут,
Будто ветер. А того и
Нет. И, нет бы — по простому!..
Нет: поют, рыдают, воют, —
Будто ветер. И не то, чтоб
Ветер (будто бы, не просто:
Ветер!..), — будто всё непрочно,
Будто — веянье с погоста,
Где листва молчит, в то время...
Будто время — род подмостков
Ветру... А еще — деревья.

* * *

Улыбнись, мое солнце!

Еще расположен

октябрь

К нашим поискам, встречам и домыслам,

нашим ответам

На любое, на — всё, что заботит и гонит...

Хотя —

Это, может, последние отблески бабьего лета.

Так — тем более!

Так высока и свежа эта власть —

Зажигать огневою зарею уже неживое,

Обречённое тлеть, — и листва, обречённая пасть,

Так жалка́ без тебя, так ярка и чиста

перед тобою.

Я весь день тебя жду. Я не злак, не лист и не муж.

Я улыбку сдержу —

и верну,

если будет возможно...

...Вот и солнце мое,

обойдя все закраины луж,

Вдруг завидев меня,

смотрит пристально

и тревожно.

* * *

Она говорит, перекусывая нить
(то есть — сквозь зубы... куртку мне зашивала):
«Не любишь меня и не будешь меня любить, —
Ну, а кого? — других тебе дур, что ль, мало?»

Но уж тогда — позабудь и дорогу в мои края!
И — ни звонков, ни визитов... ни писем, чтобы...»
А нитка не перекусывается... «Дай-ка, я...»
«Отстань, тебе говорю!.. Впрочем... на: попробуй».

* * *

Это — вслед и во тщету —
Не письмо, а — вместо.
Вольный свет тебе!.. Я жду
Твоего приезда.

Приживаюсь к ноябрю;
Октябри спрягаю...
Фотографии смотрю.
Ты на них — другая.

Ты была на них — живей...
Ну — живи ж, где будешь!
Ибо — нет меня грешней,
Коль и *там* осудишь!..

Вся надежда: там — друзья;
Худо ли — с друзьями?..
Я, — живу ль, скажи, хоть я
В тесной, глупой раме?

Мне ль не знать о той черте,
Где разлука — лечит,
Разделяя, что ни день,
Более — до встречи?

Мне ль доказывать любовь
Правом выслать гончих?
Ты и в радости — любой! —
Мне, чем краше — горше...

И мне легче распушить
Голой плетью обух,
Чем поверить в нашу жизнь —
Бог с тобой! — бок о бок...

* * *

Привечая рассвет, погружаясь во тьму —
Так и виден в глубинных повторах...
Мне не жить в этом доме, и мне потому
Он особенно, пристально дорог.

Я не понял звезды. Мне не к спеху весна.
Мне — престижно, что все мы под Богом, —
Так скажи: я судить обречён или знать,
В сотый раз ошибившись порогом,

Кто там признан и понят, кто пойман и вор,
Чьих там свадеб счастливая лента?..
Мне не жить в этом доме, и мне оттого
Отрешиться ли: стяга ли? Ветра?..

Освещая, как суть, мой недожитый век,
Сквозь портьер дымно-цветную тогу
Пробивается луч — и ложится, как снег,
Сквозь листву и метель на дорогу.

Поминая тюрьму, принимая суму —
Не уйти мне из этого света...
Мне не жить в этом доме, и мне потому
Все пути — лишь к нему... Вот, и этот.

* * *

Завидной и прочной дождавшись безвестности,
Промерив клочок, что возделать осталось —
Обрамить, как память... Но даже и это всё
Пока не усталость.

Устал — лишь считать, кем не стал, как в чем выглядел,
Зачем не остался и с кем чего стоил.
Овчинка — бесспорно, не стоила выделки!
Но кто бы и спорил?..

В заветно-искóмом проспавшись безмолвии,
Раскайвшись в смыслах, изверясь во фразах —
Не жав и не сеяв, обрящешь над кровлею
Овчинку в алмазах.

* * *

Сижу над рифмой, как над гробиком.
Ах, Муза, Муза!. В смене вех
Я стану *тихим* алкоголиком,
И ты скостишь мне этот грех

И не оставишь... Скольких, сестрами
Твоими брошенных, я знал!
Ведь не буюню?.. Кумпол об стену
Не раскроил? Не осквернял

Лохмотьев славы переменчивой?
(К чему и повод был бы — тих)...
Сижу — над рюмкою, доверчивый
К тому, что, рифму подхватив,

Не попрекнёшь меня, что пьяненький,
И не спихнёшь, как мертвый груз,
Когда к стене я чудным паинькой,
Как на плечо твое, склонюсь.

* * *

Оставалось мне — уйти.
Но активные расспросы
(«Что твои?» да: «Свежи ль розы?») —
Заградили мне пути.

И опять я мог уйти.
Но подробные ответы
(на мои ж: «где тот?», «как этот?..») —
Тенью встали на пути.

Я *всегда* хотел уйти.
Я всегда был уходящим,
Остающим, стоящим,
Заграждающим пути...

И осталось мне — уйти.
И венчать, по воле судеб,
Каждый шаг — любовью к людям,
Всем кивая по пути;
И прельщаться солью буден,
И считать, что — будь,
что будет:

Я ведь
сам хотел уйти...

* * *

...И тогда — я приснюсь тебе.
Ты увидишь, какой я бедненький,
Как не ем — не пью (даже беленькой),
Как мечтания, сплошь — о берегу
В моей скромной бурной судьбе...
То есть, стало быть — о тебе.

И тогда мне приснишься ты.
Я увижу: под гнетом слабости
(Или вредности), к чьей-то радости,
Ты, как есть, затеваешь — глупости!
В щепки руша мои мечты!..
Вот такой мне приснишься ты.

И тогда — я приснюсь тебе!
И проснувшись — как бы от холода —
Ты увидишь: вся твоя комната
Стынет в грёзах призреть такого-то
В его дуре-буре-судьбе...
Ты воскликнешь: «Как? Это золото?!»
Да и, кстати — не вижу повода!»
И тогда я приснюсь тебе.

* * *

Сколько способов бранных судить с кондачка!
Например: «Если кормит, то — любит».
Где найдёшь себе, чем заморить червячка?..
В хватком клюве моем, бодром клюве.

Только — тем ли единым живится наш род?
(Чрез плечо через левое сплюнем).
Где, меж бурь, преизбыток небесных щедрот?
В жарком клюве моем, твёрдом клюве.

Сколь кишат кукушатами гнезда сердец!
Жажда благ... вплоть до снега в июле.
Сколь вершинней: начало всему и конец —
В тяжком клюве моем, грозном клюве!

Пусть развеется вовсе сердечный угар
Для пригревших в груди... не змею ли? —
Ты найдёшь себе должное — вечное «Кар-р!»
В чистом клюве моем, чёрном клюве.

Братание с новогодней елкой

*«Эти добрые медведи возле ёлки новогодней,
эти старые мультфильмы: волки, зайцы, дед Мороз.
Я — с насмешкою вчера лишь, с умилением — сегодня,
ну, а завтра, ну, а завтра не сдержать мне будет слёз».*

Наталья Перевезенцева

Каждый — под нижние лезет: мол, нету ли
Лично ему там чего?.. иль — «всем нам?»..
Ёлочка, слышишь? — я тут, я на пне твоём
Жду, когда кто-нибудь «ам».

Много их, чующих, жадно глотающих,
В цирк обращающих девственный край!..
В призрачном хоре безвременно тающих
Ширится: «Чао, бай-бай».

Как же, уснёшь!.. — тут зеленый... там — красенький...
Множатся тени... дрожат бубенцы...
Мы — всяк по-своему — встретим их праздники,
Примем их сказок концы.

Ибо — несть ложь, но ответственный вымысел,
И не из бубликов цепь на дубу!..
Ты-то (даст Бог!..) еще как от них вылетишь
К чистому небу — в трубу!..

Я-то — увы... Но, легчая знакомствами,
Как бы над срезом всеобщего пня,
Ты, меж его заповедными кольцами,
Вряд ли отыщешь меня.

Ибо закружат тягчайшие: местные.
В масках и без; под «ля-ля» и «люли»...
Мне ль вычислять, где ты ветви развесила?
Чем тебе их оплели?..

Как ни рядись — вроде Кая мы с Гердою:
Так хороши были розы, ан — крест...
Ёлочка, слышишь? Я тут, на пеньке твоём, —
Сам, ничему не в отмест...

* * *

Первая, третья — бабочки.
Автор — вторым иль прочим.
«Что же, — летим на лампочку?»
«Как? Мы летим — на лампочку?!..»
«Боже, летим на лампочку! —
Что нам цветок полночный?..»

Чтобы, за корм их сладостный,
Крылышки в такт сложили?
Нас окрыляет — лампочка,
Мы опыляем — лампочку,
Да не повянет лампочка, —
Мы заслужили: жили.

К Музе

Ты здесь — была! Не в этих шальных строчках,
Что мёртвенно шепчу тебе вдогон.
Была ты — страшно более непрочной,
И — губельно прочнее, чем глагол
Наш, человеческий. «Мирской». И мне — на нём же
Прикосновенья твоего освоить весть?..
Сокосновений наших... Так несхожих
Ни с этой, приснопамятной... ни — позжих...
Я *слишком* знаю: ты была. Ты есть...

* * *

Труд — не тяжелей, чем скинуть ношу,
И — не с тем, что сильно тяжела.
Вслед не кинусь — но и тень не брошу,
С кем бы ты здесь мимо не прошла.

Подойди, — одно услышишь: «Здравствуй!
Видишь, как изрыт корнями склон,
Где стою безлистый и бесстрастный,
Ибо ты и осень — мне закон».

Стансы к луне

Здравствуй, милая! Ну, что:
С Новым годом?
Я б налил тебе чуток,
Но природа

Так тут лихо всё, за нас...
Прах, коль сведущ!
Но — и то: случись нам власть,
Мы бы... нет уж.

Сам себе плесну — и спать.
Ох, как мало!!
Здравствуй, полная! Опять
Нагуляла?

Но... ведь мне их не крестить?..
Спловишь Солнцу.
А верней всего (прости!..)
Рассосётся.

Вот, глядим на календарь, —
Видишь? — «С Новым»!..
Что ты бледная? Не я ль
Диким словом?!

Полно, мышка, всё мурня:
Птички... мошки...
Ты — единый у меня
Свет в окошке.

* * *

В последний миг, обложенный кругом
(Трещат кусты, и псовый лай всё звонче),
Успеешь взвыть, пронзив сплетенье крон:
«Почто меня оставил, Отче Волче?..»

И — кончено: теперь — просись в тюрьму,
Тряси суму до серой крошки хлеба...
Лишь две звезды холодные сквозь тьму
Ночной листвы пробьются молча с неба.

Из цикла «Седая ночь»

3.

Пересекая Опочку и Рим,
Ветры несутся с немолкнушим воем,
А каково им?..

А каково
им —

Это узнаем, когда воспарим.

Старый ли, Новый... несвет или Свет...
Ржев... тот же Рим...

те же Таллин, Опочка...

Это лишь строчка,
и честная точ-
ка

Ляжет везде хорошо, где нас нет.

Раз уж на этой земле не нашлось
Мест, что хоть чем-то могли бы привлечь нас —
Выберем вечность!

Выберем веч-
ность

Вить и лететь, пронизая насквозь...

7.

Ты, я слышу, дышишь?.. Значит, в форме.
Просто: пробегала... вижу, свет...
Значит, жив. А говорили: «по-омер»!..
Но тебя и *там* всё нет и нет...

Отправился в Царское Село навестить дочь,
и, не застав её, сижу на пенёчке близ её дома
(скамеечки плотно усижены пенсионерками), —
просто, жду.

Пусть этот таксист, подбросив меня, меня бросил здесь, —
Спасибо ему! Хотя не кинул. Подкинул, даже...
А мне не спасибо. Поскольку — буду сидеть
В трёхмерном этом (какой уж ни есть...) пейзаже.

Поскольку
 травы пожухли, и скоро снег.
А там — по новой (хотя с годами — всё более нервно).
Поскольку я — какой ни есть! — человек.
Что здесь — опустим: больно, опять,
 трёхмерно.

«Сидеть» — несчастное слово!.. Но я готов.
Да и почему бы — нет?.. Лишний штрих пейзажу...
И тихая кошка, сбежав от буйных котов,
Прильнула ко мне и смотрит.
Я её глажу.

**В густой ночи обнимаюсь
с багряно-золотым старым кленом**

Я ж и сам бы — деревом!
Лишь — ни о какой зиме
Не верстать бы к зелени
Властных зовов осени!

Может быть, я в тропиках
(Где без нас — немерено!..)
Не стяжал бы в облике
Пламени похмельного?

Может быть, в объятиях
Всяких там лианочек
(как сейчас, вот, я — тебя)
Я б себя не звал «ничем»?..

Может быть, в сознании
Корневой основы, я,
Все изжив названия —
Заслужил условия?..

— Брат мой смертный! Не грешно ль?
Тот же снег — когда ещё!..
По весне
 припомнишь мой
Облик облетающий...

* * *

Припаду к золотому листку
(здесь бы рифмой: «соскú», — столь несдержан я!..) —
И промчит

 сладкой болью меж скул
Соль нездешняя... робость вещая.

И — умчит!.. (Здесь рифма на «мать»)
Сгинет день — истает и прошлое...
Не к Орфею ж тебя

 ревновать?..
С ним сочтёмся мы.
 По-хорошему.

Одесские мотивы

Н. П.

1.
С чего (с утра-то!..) строка взяла?
О коем, к дьяволу, «лесе»?..
Тут в рифму просится «кайзера»,
Но речь пойдёт об Одессе.

На кой — с утра-то? Строка берёт
И гонит — аж, до Кронштадта!..
Но там уж мне — никаких щедрот,
Лишь рифма сверкнет: «утрата».

Я падал! Делал я глупости!
Бывал исправно изгаженным!
Но — нам! — в стогу ли иглу пасти?..
«Уже, — говорит, — неважно».

Я выгляну в окно. Возможно, брошу песни.
Забуду о любом, кто раньше с нею был.
Куда мне до нее?.. Она мурчит в Одессе,
И мало ли там, что с ней кто-то сотворил...

2.
«Там некогда гулял и я...» Давно.
На Дерибасовской — осталась ли пивная?
Там, впрочем, и недурственно вино...
Хотя сейчас — почём я это знаю?..

Тут важно — *верить*: оч-чень недурно!
Тут важно: хоть чуток (вовсю!..) покуролесить!
Так что ж — «чуток»? На всю катушку! Но...
А что здесь «но»? Ведь я ж ведь — об Одессе...

3.
Устал упражняться в одах.
В Одессе прекрасный отдых.
Полезный морской воздух.
До встречи в иных водах.

4.

Такой вот копится матерьял
(интимный, учтя ход действий):
Мол, вдруг я что-нибудь потерял?
Шукать — один черт, в Одессе!..

5.

Вот, выглянул опять. Рассвет довольно ранний.
Забуду олюбом... Я ж это говорил!..
Куда мне до нее? Она таки в Украине,
И мало ли там, что...
Не нахожу перил.

6.

Забуду, как звать по имени:
Не та страна... Во-он, в той стороне...
Коль сможешь, то извини меня.
Иль — измени мне.

* * *

Будут метели визжать и выть.
Сплошь будет сниться, вгоняя в дрожь,
Солнечный юг, а не — увы! —
Крайний твой Север. Но ты придёшь.

Расскажешь мне про лагеря,
Где изводил года и леса,
Пока я с Бальмонтом кирял,
Пока крутил с госпожой Жорж Санд.

Развеешь часть сопливых легенд
И (верно, вспомнив старушку-мать?..)
Покажешь бирочку на ноге.
Стершийся номер, — не разобрать.

И — я тебя к Бальмонту отведу,
И познакомлю с милейшей Жорж,
И мы споем тебе, как в бреду,
«Ванинский порт». А ты подпоёшь.

* * *

Словно на зов трубы —
В лес. Собирашь грибы?..
Вздор! То был зов судьбы,
Взор ее, вздох: «Ты был»...

Лес перекроет воздух,
И — ни вдоха в ответ.
Знакомая горихвостка —
Издали! — шлет привет.

Что ж... Ей пора в Египет
На зиму. Ты же весь —
Здесь. Этим лесом выпит,
Сам обратишься в лес.

Будто бы!.. Горихвостка,
Вернувшаяся к весне,
Не опознает: поздно.
Решит: «Прошлогодний снег».

И он тотчас же растает,
Хотя — поручусь! — не весь:
Ты ж никогда не в стае,
Пусть даже стая — лес.

И — что же: вновь по грибы?..
Вновь. Это род борьбы
С осипшим горлом судьбы
За право шепнуть: «Я был...»

* * *

*«Такая страшная свобода,
Что даже и решеток нет».*

Владимир Серебренников

Свободен! Больше ничьим не будь.
Будь — всех, и станешь не чьим-нибудь —
В судьбе ли... в слепой заботе...
Своим: ты — навек свободен.

Свободен!.. Всякая ложь твоя
Впадёт, незнаема, в прошлое,
Где чьи-нибудь ножки... ушки...
Плюс — елочные игрушки.

Там — что?.. Дирижабль... белочка...
Плюс, шарик... Всего, по мелочи.
Парашютист... В прореху —
Дождь. И звезда сверху.

Свободен... Вечное прошлое
Вплетает в контекст «Всё-то прожил я!..»
Взмах вёсел... течение Леты...
Плюс, ёлочные скелеты.

Интимное приключение в Стрельне

Иду вчера я на залив,
И замечаю — женский лиф!
(Скажи я правильно: «лифчик», —
И весь мой залив — заливчик...)
Гляжу, а сердце — ну, просто ноет:
Где же всё остальное?!

* * *

— Поэт! А ты не допился ли?
Вот ведь, что интересно мне!
— На то ответ дают соловьи
Своими древними песнями.

— Коль так — уж ты не влюбился ли
В какую новую погань?
— Оставь. Вон, стихли и соловьи.
Ибо любовь — от Бога.

— Тогда — уж ты не добился ли
Сколь-нибудь зримых лавров?
— Не будем: вновь зашлись соловьи,
А это всегда — облава.

— Коль так — уж ты не приснился ли
Мне, в эту злую полночь?
— Зачем тебе?.. Гремят соловьи.
Забудь. И — Бог тебе в помощь.

* * *

*«Под ракитой, обвитой плющом,
От ненастья мы ищем защиты...»*

Борис Пастернак

Вон, взгляни, какое дерево!
Над рекою. Так извито —
Как река. Ну, чем не терем, а?..
Над рекой. Зовут ракита.

Как, нехило под ракитою?..
Так простим же, сестро-братски, и
Все грехи твои нехитрые,
И дела мои дурацкие...

* * *

Я внятно слышал твой укор,
Хотя вчерашний разговор
(Наш, телефонный) длился
Минуты три, и слился
С вопросом вечным: «Кто я?» —
Короче, с немотою.

Я — враг беспочвенных химер!
Уже не помню, например,
Предмета разговора.
Там не было укора!
Лишь — некий том... страница...
Но всё он длится, длится...

А я, пивком его залив,
Бреду с клюкою на залив,
Где у меня в предмете
Волна у ног — и ветер.
Где исчезают лица...
Но всё он длится, длится...

Так позабудь же обо мне,
Как о не слишком связном сне,
Который длился, длился —
Ан, вдруг и прекратился...
Иль — продолжает длиться?
Коль так — кому молиться,
Чтоб, всё же — прекратился?..
Иль — чтобы длился, длился...

* * *

Поспешаю поутру, ближайший бар ища.
Тормознулся: вдруг, не вижу рассвета я!..
Тут подруливает ко мне барышня,
Представляется: «Тоска твоя смертная».

«Алексей, — рекомендую, — Иванович».
Но — не вижу, не вижу лица ея!..
«Разрешите, — отвечает, — нечто вам налить?»,
В темной сумочке уж чем-то бряцая.

«Я готов, всегда готов! — отвечаю ей. —
Ведь, за столько-то годов — мало ль, с кем-то я?
Вот, и ты давай со мной...» А та плечами: нет.
«Иль не понял?.. Я — печаль твоя смертная»...

Я ж нисколечко не рвусь
Ни в какую высь.
Ни в какую, также, гнусь!
К правде след торя!!
А она: «Не надорвись,
И — хлебни за Русь!..
Иль не понял? Я — свеча твоя смертная».

И я вышил. И — не чую тоски моей!..
И не вижу... Ишь, как дивно лекарственно!..
Да и — чёрта ль в этой гиблой кикиморе?..
И я óжил. Тут-то и тоска взяла...

8 марта 2008

* * *

Сквозь сон твержу: дескать, жив! Я — жив!!
Брожу среди лакомых знаков!..
А ты, в ответ мне: «Ты лжив. Ты — лжив...» —
Без восклицательных знаков.

«А ты-то, — спрашиваю, — жива ль?
Свобода, поди, не сахар...»
А ты мне, эхом: «Я шваль. Я — шваль», —
Без каких-либо знаков.

Стерплю! По знаку-то я — Близнец.
Хотя — к чему это в стих мне?..
С тем и очнулся. Тебя близ нет.
И эхо, боюсь я, стихнет.

* * *

Ну, жил. Куролесил, — не то, чтоб оч. —
Но и не то, чтоб мало.
Ан, вдруг настигнет очная ночь,
И — прочь меня от штурвала!..

И — впору лезть в догорающий танк!..
Иль: под него залечь?
А толку?.. Он догорит и так.
Мне — лишь бы гору с плеч

Той тихой, нервно-слепой злобы, —
На что?.. Тут я ставлю точку.
Плевать, на что. Что сегодня забыл —
Завтра заляжет в строчку.

II. СТИХОТВОРЕНИЯ,
НЕ ВОШЕДШИЕ В КНИГУ

* * *

Я уходил на крутых ладьях.
Дома уходили в кровли,
Они исчезали — и, уходя,
Я им завещал твой облик.

Я возвращался, устал и тих.
Всё в доме спало глубоко,
И мне не надо было твоих
Встречающих глаз и окон.

1973

Рыбалка

Разошлись круги от поплавка:
Нимб над обречённой рыбешкой.
За спиною набожная кошка
Молится на них издалека.

По воде и в небе — облака.
Это — лишь картинка, лишь обложка:
«Справочная книга рыбака».

Низкий берег, красная строка;
Судеб непривычная дорожка...

июнь 1975, Стрельна

Август

Еще в себе мы лето не хороним,
Но к берегу покинутого пляжа
Прибился лист обветренным Хароном —
Хотя еще леса не чтут пропажи.

Но пуст песок, и снится рекам осень.
А вот и Бог, — с души спадают звенья, —
И Парки режут с нитями колосья
На общий стог душистого забвенья...

1975

* * *

Всё резче зелень под водостоком,
Всё ближе осень и тоньше зной, —
И всё пронзительней вскрики стёкол,
Когда их моют перед зимой.

Сухой заботой по роговице —
Зрачок расширенный изнемог —
Но не судьба нам от них разбиться...
Забиты рамы, проложен мох,

И нет доверья дневному свету,
И мир семейному очагу, —
И только окна, почти ослепнув,
До боли вглядываются в пургу.

1977

* * *

Вот и всё, мой друг, улетай!
Мимо окон, закрытых плотно,
Мимо свет проронивших тайн.
Ты отныне от них свободна —

И — от памяти, на века.
К той, к вечерней, что мне светила...
Оглянусь еще: чья рука
Мою душу освободила?..

1978

* * *

Повадка Пряхи и впрямь грузна.
Скручивается нить...
Отныне всякий, кто нас не знал,
Может нас обвинить.

А всякий знающий — угольком
Пометит, почтив закон,
И Бог замрёт над его значком
С коснеющим языком.

Нитка скручивается, змеясь.
В извилах — рукой подать...
Отныне единственно вся земля
Вправе нас оправдать.

То не отныне, а испокон.
То колокол над озерком
Звонит — и хочешь узнать, по ком?
Ты хочешь узнать — по ком?..

1979

* * *

Как стол, раздвинутый в ширину,
Сместив предметы и сблизив стены,
Все темы быта сведет в одну,
И отвратит их от главной темы, —

Так жизнь однажды, и без того
О чем-то помня, но протестуя,
Раскинет крылья большим столом.
И не накрыть. И не хватит стульев.

Но за столом соберутся все.
И в тесноте их, да не в обиде,
Ты вдруг увидишь среди гостей
И тех, о ком позабыл, что видел;

А гости будут хвалить салат,
И поздним вечером их проводят, —
Но ты не выйдешь из-за стола
И не увидишь, как все уходят.

1979

Из поэмы «Двойная тень»

И снег не в полдень, и дождь не в ночь.
Все по сердцу, в меру, впору.
Имеем сына — родили дочь.
Мир тесен. Чуть скрипнет ворот —

И этот мир полагает дно,
Как в глубине колодца,
Во мне. И все, что мне здесь дано —
Здесь только мне дается.

И вот, средь щебета стольких уст —
Жены, удвоенных детских —
Я жду прихода каких-то Муз.
Один. Самовольно. Дерзко.

Смиренно! Тенью добра и зла
Не поступившись!..
Но, холодея, на край стола
Уликой брошенная, затекла
Память заветных пиршеств.

Я здесь! Что пользы от них таить
Безумье это — по дням, по числам?
Пойти на лестницу, покурить,
Вернуться — чистым!

Собака-рифма, почуяв след,
Кусает звенья тоски богемной...
Все это нервы. Все это бред
И нервы.

И что мне делать — в семье, в тепле —
С больными, как бред
стихами...

Иду на лестницу.
...На стекле
Тает Её дыханье.

1980

* * *

Жизни вымученный жгут
Расплетается капризно...
На помойке что-то жгут.
Разный хлам. Быть может — письма.

За окном уже зима.
Дым со снегом тянет в окна...
Дай мне Бог сойти с ума.
Распадаясь на волокна,

Обнажая корни слов,
Дни — фиктивнее начальных
Строф, невыверенных снов —
И узлов, уже случайных...

1981

* * *

Муза моя! Будь
издана!..
...Вышел человек из дому.
Не по чью-нибудь
По душу:
Без причуды ведь —
На работу шел.
План свой выполнять строгий.
Хлеб свой добывать — вкусный...
Как по воле рифм — строки,
Встретились они с Музой.
Та меня, как раз, босая,
Шла она, как есть, босая,
Холодна, больна, немощна,
А купить поесть — не на что
(Ибо — говорю сызна —
Не была нигде издана).
Пожалел человек бабу слабую:
Дал он ей пирожка с сагою.
Не сулил, как иные, комфорт-уют
Пригласил взглянуть, как работают.
А всё было там — настоящее,
Каждый гвоздик в план ставился...
Человек сочинял
ящички —
И всё больше ей нравился.
Был он, по виду, не столь учтив,
Но, средь обид надстроечных,
Жилку в ней признав классовую,
Стал учить уму-разуму.
«Жизнь, — сказал он ей, — бекова!..»
Тут она к ларьку сбегала,
А, как сели пить-есть они —
Разродилась двумя песнями:
Бойкой, а потом — грустною...
Ведь союз Труда с Музою
Предрешен, как путь, издавна...
Вот тебе и «будь издана».

1981

* * *

Над стрелкой трамвая, что храм при погосте,
Стоит молодая, вся в золоте, осень.
Любовник забудет, во мраке скитаясь,
Куда приглашён, кем размечен их танец.

Усталые листья, прильнувшие к окнам,
Расскажут живущим о сне мимолётном
Души мимолётной — чью синь загадали
И жизнь молодая — и смерть золотая.

1981

* * *

«Река времен в своем стремленьи...»

Г. Р. Державин

Еще эта речка покрыта льдом.
Но мы теперь на него не ступим.
Там близкий берег, забытый дом,
Чужие люди — и мы с трудом
Поверим, что он — доступен.
Еще мы вправе отвергнуть весть
Сырых проталин, златых полениц,
То хлеб наш — впрочем, не впрок, но днесь.
Но дольше дни — и слышней в их честь
Колеса мельниц.
Шаги легки — победа горька,
Но мы ли сей счет оплатим?
Ах, все перемелется, будет мука,
И будет закваска на день
Вперед — для других. Всё тесней жернова,
Но наша покорность нова,
И все отчетливее права
На знаки судьбы: слова.

1981

Эолова арфа

Как свищет контекст над зачёркнутым словом!..
Скликаются смыслы — и всяк адресован
Конкретному звуку. Столь странные узы
Имеют причиной присутствие Музы.
Но я забегаю вперед. Этой ночью
Я снова был призван на муки построчной
Вражды, что в победе и жертвах подробно,
Как битва героев за тело Патрокла.
(Один Менелай еще держится браво. —
Как скор черновик! — Подкрепление пало,
Хрустят между строк опустевшие латы.
Разверзлась межа вдоль четвертой и пятой,
И там, в общей славе-судьбе растворяясь,
Как истинный грек, умирает троянец).
Вдруг свет замигал — и исчез, — во всем доме
(Бывает). Я к жертве свечу приготовил,
Когда на столе, над строкою кургузой
Возжегся светильник, протянутой Музой.
Как истинный грек, я долил в него масла.
Но пламя качнулось — и строчка погасла,
А следом другая — и рифма, в итоге.
И вдруг всё до буквы ушло из тетради
.....
Я взялся писать на вечерней газете.
Но свет отвлекал. При мерцающем свете
Менялся аспект отношения к теме.
Мерцающий свет завораживал тени,
Уча их, привычных к реальным заказам,
Классическим позам (по греческим вазам).
Чуть брезжило поле рассеянной битвы.
В тиши воскресали забытые ритмы
Забвенного быта: античное небо
Несло экипаж просветителя-Феба,
А низом, держа по оси его угол,
Тянулась строка за подвижником-плугом.
Белела тетрадь... потептели обои...
И Муза с лукошком ходила по полю.

Муза! Поведай мне, право, о том многоопытном муже,
Светоч деяний которого древним доступен скорее,
Нежели мне, маловеру — зане он и в ЖЭКе оформлен,
Факт, не без связей с известной микенской царевной
(Будь я Орестом, мне это польстило бы лишь).
Также, чтоб имя не всуе сие прозвучало:
В чем избавленье от гнева ужасных Эринний?
Может быть, в силе еще аргумент, приведённый Эсхилом:
С женами, коих обидел, я в кровном родстве не бывал?
Также скажи: всё ли тот же ответ у загадки Эдипа?
Некогда он победил. Но последним из призванных миром
Снова является Сфинкс. На губах его та же усмешка.
Прежний ответ ему явно уже не в ущерб.
Верю в прозренья твои. Верю в разум сплотившихся звуков.
Может, не сразу пойму вещь слово твое, —
Только ответ: угоден мой жертвенник вашему небу?
Молча явись, если да. Я в молчанье свершу гекатомбу.
Если же нет — наклонись и светильник задуй.

Я ждал. Ни руки, ни сигналов, ни реплик.
Тут свет воссиял (потрудился электрик!..)
Но я различил и при свете, столь резком,
Высокую амфору с добрым фалернским.
Как истинный грек, я смешал его с влагой,
Бегущей из крана. И свет помутился
От таянья ветра над тихой бумагой,
Скликанья Сирен и дыхания Стикса...

1982

Летний дождь

Все готово — стихло и погасло —
Зачерпнуть пригоршню новых дней...
Здравствуй. Я недолго, не пугайся.
Стань под это, где листва плотней.

Ты о чем?.. Я мало в этом смыслю.
Только рябь листвы со всех сторон...
Не шути про огненные числа:
Я их смысл бы, только что с того?..

Говоришь, в делах конкретна мудрость?
Мудрый человек... Идешь — иди, —
Но чему ты дал себя опутать?..
Я — не знаю. Сам суди.

Вот я перестал. Над головою —
Не смотри! — все пусто. В травах — след.
Вдумайся, мудрец: покой и воля.
Счастья нет.

1982

* * *

Не туман и не мгла, но сырость, —
Даже дождь в вышине зачах.
Светофор колдовать не в силах...
Кони Клодта, смотри, взбесились
Надо снова их
 укрощать!

И троллейбус, понятно, медлит
Заезжать на опасный мост.
Так он век простоит, как мерин,
А Фонтанка, смотри, мелеет,
Отползла, подбирает хвост...

Как
ударил!..

 Всё затихло.

Можно ехать: коней — как нет:
Улеглись, как псы на подстилку,
Косят морды в сторону цирка,
Можно ехать: свободно, сыро,
И вернулся зеленый свет.

1983

* * *

Поодаль от домов два дерева сошлись.
 О чем-то говорят, усиленно кивая,
 жестикулируя, спеша, перебивая —
Но вот о чем?..
 В домах огни зажглись.
Ревнитель-дождь, за всю за эту жизнь
Пороги и карнизы обивая,
Объединит все дальше в одном
И заглушит.
И тьма его поглотит.
Потом исчезнет клен, что за окном
(Иллюзия: погасят свет напротив),
Исчезнет дом, ослепнув по погоде —
И, надо полагать, исчезнем мы?..
Обман: ведь мы не встретимся среди тьмы,
Никто ни с кем, как и теперь —
И нет потерь:
Вон, фикус на окне — вернулся, вроде...

1983

* * *

Те дома, где я жил,
сохраняют заветный облик.
Разве трещинка на ином...
Иной перекрашен.
Не люблю гадать: они помнят
или не помнят?
Есть
один
мой дом.
Он молчит
о моем вчерашнем.

Если в дождь, в городской глуши,
я иду и мокну,
если ночью, из-за угла,
меня ветер режет, —
те дома, где я жил,
высоко зажигают окна:
там другие тени, и свет, и лад —
а они всё те же.

Я родился — в том...
А в этих — чего не делал!
Это стёрлось, как быстрый мел
с грубых стен парадных.
Я три года
прожил в одном —
и не знаю: где он?..
Скажем,
в Греции, например
(ВМФ, корабль).

Если в дождь, любуясь двором,
я бываю грустен —
то и этот
 посильный вздох

подлежит ответу, —
и дома, где я жил,
в ту минуту меня отпустят,
и сойдутся с десяток строк
на песочке Леты.

1984

Аутотренинг

Я спокоен.
Я совершенно
спокоен.
Подкован
(как говорится)
на все свои тридцать
и не тужу и гляжу
в корень.

Сам себе злак и плевел,
собой владея.
Руки мои теплеют.
Ноги мои теплеют.
Нос холодеет.

Всё замечательно, всё — отлично.
Смотрю все глубже, дышу всё реже.
Сердце
бьётся
ритмично...
Уже не слышу.
Уже не тешу

себя ничем: поросли заботы
густыми джунглями лавров-нервов...
Мимо
шастает кто-то.
Друзья, наверно.

Все мы — братья по крови,
как говорят
звери...
Я спокоен. Я совершенно спокоен.
В себе уверен.
По крайней
мере,

могу — до точки... Любая точка —
бессчётных линий беспечный атом.

Пора загадывать всё, что хочешь:
всё — исполнится.

Если
надо...

Это не сон огрузил ресницы —
это я сам — налегке — с собою...

Покой нам
только и снится.
Покой и воля.

1984

* * *

Вон там, за дверью — мой дом, очаг,
Я вышел поговорить.
Ну, что ты заладил меня встречать,
Когда я иду курить?

Давно забыт самый первый страх,
Абсурдный день ото дня.
Да и не похоже, чтоб ты был враг...
Так — что тебе до меня?

Всяк ищет тех, кто его поймёт,
А я — не таю — негож.
Люблю смотреть, как, нырнув в пролёт,
Ты снова, клубясь, всплывешь, —

Но мне не по слуху твой скорый бред,
И я не пойму, — зачем
Ты то заалеешь, как маков цвет,
То желт, как товарный чек?

Пока домашний слепой очаг
Не ждет моего огня, —
Скажи: я р а н ь ш е тебя встречал?
Иль — что тебе до меня?

...В окошке — трещинка от звезды,
Как мера любой тщеты.
Ты отгоняешь табачный дым —
И сам, чуть плотней, чем дым.

Ну, что ж: однажды бесплодность встреч
Прервёт их сама собой.
Мне спать пора. Празднословна речь.
Сегодня не жди: отбой.

1984

* * *

Похоже, и вправду — страсть:
То эхо, как в медных трубах,
То шапка, вот, занялась...
Не впрок, не в жилу, не в счёт, не в масть —

И, кстати — вопрос: к кому бы?..
Бесформенная... Причём —
При всех ощущениях пыла —
Вполне бесчувственная — за счёт

Сознания: всё это было.

Улицу пересёк.

Эхо

во всю

стену...

Проём сознания: это всё

Старо, как всё, что нетленно.

Поймав себя на былом,

Оглянешься, переспросишь, —

А там — горбом на ветру — крыло...

Одно всего. Так и носишь...

1984

расцветают Грации...

Ставят ее

и вешают,

а я

вожу

декорацию.

Сегодня занавес, просяив,
не то отхлынет, не то растает,
и своды крыл ее осенят
осознанный вызов славе.

А утром — грудой

поверх бортов,

пустив

и славу и смысл

по ветру, —

и нас подхватит честной поток

машин,

как стремнина Леты...

...Ещё— она бьется изредка,

и я отвожу, где лечат.

Потом её все же списывают,

и я...

Но и я

не вечен, —

итак, дорога

за три ларька

(напарник успел набраться),*

и я, ко сроку на все века,

везу

в театр

декорацию.

* В редакции 1986 г. строка звучала: «(во всех — фари-сейство кваса)». А. Д. со свойственным ему чувством юмора не мог пройти мимо знаменитого антиалкогольного указа. — *Примеч. сост.*

* * *

В час предвечный, в толще буден
Я явлюсь различным людям.
Списки тотчас дооформиат,
А пока они — секрет.
Точно знаю: в этих списках
Не найду родных и близких:
Что им нового откроет
Сей бестактный tete-a-tete?

Мне — являться с умным видом
Позабывшим и забытым,
Как в морях, ветрам открытых,
Не оставившим следа, —
Вот еще: с чего б ни помер,
Я явлюсь в матросской форме,
Ибо жизнь под *этим* видом
Мне предписано отдать.

Скажем, Вы, — я Ваше имя
Позабыл, — притом, взаимно.
Каждодневно отмечаю
День победы забытья.
Скажем, вечером медовым
Вы выходите из дома
Освежить в себе печалью
Ощущенье бытия.

Убедившись (на примерах),
Что в ночи все кошки серы,
Вы войдёте неизбежно
Под флажки моих орбит.
Вянет, веет, зябнут плечи...
Тут и я плыву навстречу:
В черных лентах, в «лычках» свежих —
А во лбу звезда горит.

«Кто ты?..» — «Здравия желаю!..» —
И глядишь ты, чуть живая,

Как (зачем все это?..), тая,
Я исчезну без следа,
Преломив в себе, как в призме,
Направленья многих жизней,
Как осенний бриз, капризных,
Невозможных навсегда.

1985

Гулливер

Пришел с банкета. Знатный ветеран
Былых сражений толковал о новых.
Платок придется заново стирать:
Измызган и истоптан на маневрах.

Меня ласкали. Общее «ура»
В ушах всю ночь, наверно, не утихнет.
Я и «Гроза Морей», и «Муж-Гора»,
И — новый, вот, совсем высокий титул —

Нордак. Для корабельного врача
Великовато бы, но — где ж сознаться?..
Зато и цепь мешает по ночам,
И мысли непомерные теснятся.

Блещат миры, я призываю вас,
Любезнейшие мне из рода ближних.
Уж вы бы точно не дали мне впасть
Не в манию, — нет: в панику величья!

Не столь страшит политика двора,
В которую нечаянно я втерся,
Сколь: вдруг я вечно — Человек-Гора,
И мы, Гора с горами — не сойдёмся?..

Вдруг я — тупоконечник?.. Это вздор,
Но — докажи, при здешних-то масштабах!..
Хоть звезды — утешение... И то:
Уже пытался наловить их в шляпу.

Лишь вы, что, как те звезды, далеки,
Вольны вернуть мне прежний мир привычный.
Тут рядом дом выходит на торги:
Шестнадцать комнат, и надел приличный...

Но я один — и мраком на поля
Ночной земли, за гребень гор скалистых
Ложится тень злосчастная моя,
Терзаемая шпильями столицы...

1985

Жизнь Гнора

(по одноименному рассказу А. Грина)

Вот кто-то скрипку взял, смычок уронил,
А кто-то поднял, глядит: весло. Положил на место...
Всё это — призраки. Если стрелять по ним —
Они исчезнут.
Чего я жду, бросаясь в прибой страниц?
Чего ищу, усердный крутя бинокль?
Мой остров — там, а здесь ему нет границ,
И никакого, кроме себя, мне нет Энниока.
Выходишь из дому — словно литой клубок
Готов разбиться виденьем паруса, грозой мести...
И всё же — встреча. «Вырвался!..» — вскричит Энниок,
И Гнор ответит: «Да, наконец, мы вместе».
Но никакого, кроме себя, мне отмщенья нет.
Они отвлекутся игрой, разживутся джином,
И кто-то выиграет у другого пяток монет,
И, лишь простившись, оба отметят, что оба живы.
Возможность спать, диктовать стихи, кормить голубей —
Равна возможности помнить сны и читать про звезды.
Потом он сам притащится к Гнору, велит: «Убей!»,
И Гнор устало ответит: «Теперь — поздно».
Так много места в мире окажется для двоих,
Что сядут рядышком, припозднившись за общей чашей.
Но если — к морю, с тем, что осталось, оставив их —
То море внятно прошепчет: «Отшельник Аша».
Рукам-облакам кричать и лететь своим чередом.
Еще одна шлюпка спешит за скалы, мигнув кормою...
Всё это — призраки: щелкнув светом, заходишь в дом —
И всякий след, до самых дверей, достаётся морю.
Оно меняется, не ведая перемен.
Я бросил камень в волну, волна —
Разошлась волнами.
Так бьется сердце, — каждый удар смирен.
Простим
жизни, Кармен:
Она —
Нищая перед нами.

1985 / 1986

* * *

Сию минуту за окном
(Оно как раз — на север)
Прошли полярный белый гном
И с ним домашний, серый.

Был тих, но внятен разговор,
И трезв, как хвост крысиный:
«Когда бы окна не во двор —
Мы были бы бессильны...»

(И, словно стен коснулась боль,
Метнулась мгла в простенок,
Где я совет держал с собой
По части займа денег).

Был тверд, но призрачен ответ,
Как темень вод грунтовых:
«Когда б не звёзд его запрет —
Мы были бы готовы...»

Но тут врубился на всю мощь
Соседский вентилятор,
И «погубить» или «помочь» —
Осталось непонятным.

И двор был двор, и день был — день...
Но стены голосили:
«Когда б он сам не захотел —
Мы были бы бессильны...»

Тут я пролил своё вино,
И твердь оделась мраком...
И провалился белый гном,
А серый гном заплакал.

1987

* * *

Жила на свете птичка:
Слагатель гимнов заре.
Она подбирала крошки
Под окнами, на дворе.

Жила на свете кошка:
Инспектор мышинных нор.
Она имела привычку
Смотреть из окна на двор.

Старинный том, под названием,
Допустим, Книга Судеб,
Где всё, что случилось с нами,
Имеет свой прецедент,

Не всех усладит итогом
По чину сказки людей:
Они жили долго-долго,
И умерли — в один день...

1988

На третий голос

Вот здесь — про уши, да про стены...
А остальное, знаешь — быт:
В углу диван — недорасстелен.
А это — чай: он недопит...

И дальше — в том же, скажем, *штите*:
Недо-держать, не — дорожить, —
Как знак, что жили — не дожили, —
Вернейший знак, что жить — да жить!..

Но в этой комнате, послушай,
В её покое и тепле
Велась
 борьба великодуший,
И — вряд ли, кто там уцелел.

1988

* * *

Что спорить? Родился. Пожил, помечтал,
Поплакал немного — и, думаю: хватит.
Не съесть ли конфету? Содрал с нее фантик,
И вот — не хочу я её ни черта!..

Народы воюют, возводят больницы,
Наставят кроватей по самую высь —
И в них помирают... А я вот родился.
И мне теперь эту, зеленую, грызть?..

Положим, и тут некий видится мост:
Народы едят, если что, и конфеты.
Вопрос не на всякий рождаются ответы...
Но я-то — родился!.. Иль это вопрос?..

Пойти, самому ли побиться с народом?
Потом обеспечить уход и уют, —
Глядишь, и меня осчастливят уходом,
А ей сообщат... Или — нагло сожрут?!

И как объяснить ей, прилипчивой столь,
Что это — всё тот же уход от ответа?..
Так есть иль не есть?.. Одевайся, конфета.
Не мстить — и не льстить этой жизни пустой...

до 1996.

СТИХИ 1996–2011

* * *

О чем я спорил?!

(Нёс же ведь — сущий бред!..)

Ушла.

(Была ж! Вне и ближе смыслов!..

Подать

рукою!!.)

Одно я понял:

Счастья — точно, нет.

Несчастье есть.

Зато такое!..

Такое...

Два голоса

1.

Всегда я жил опрометчиво:
Знал, что судьба изменчива.
Вдруг ты. И, прихотью вечера —
Моей судьбою отмечена.

2.

Коль так — то ты в одночасье
Куда-нибудь унеси меня
С последней, осенней страстью!..
Благо, еще не зимняя...

Decrescendo-crescendo

*«Но отрадной до рассвета
Сердце дремой залито,
Все простит им... если это
Только Это, а не То».*

Иннокентий Анненский

Вот она, проверенная, пил уже:
Пóутру — как сроду не бывало!..
Но — уж больно мало... И пришлось кошель
Растрясти на эту, у вокзала.

У ларьков... И ладно бы — тянуло! — тут
Даже побороться был бы стимул...
Но — какие цены!.. «Absolut»... «Salute»...
А на эту — в тютельную хватило!..

Да, притом, и наша... на картинке — Кремль...
Правда, и на той, но, по фасаду
Буквы-то — чужие!.. И таков же хмель...
Претерплю. А эту я — на завтра...

Всё равно — и завтра не заплатят, и
Послезавтра... далее — «задержат».
Шустро им — о здравии да о любви —
При долларах!.. Мы живем — надеждой...

Ну-ка, той, ненашей... Горячит, хотя
Дания-тюрьма — ее праматерь.
А не то и Польша... Я не им судья:
Я — себе... И даже в том прагматик...

Я — о жизни... Знал же ведь: не стоит брать!..
Пробка — беспартийка, хоть и кепка:
С козырьком... А будет ли, чем козырять?
Даже посмотреть на этикетку:

Явный ксерокс... Клей же — исчерна густой...
Словно пропечённую котлетой...
Что-то разогнался ты, однако, с той!..
Пить тебе сегодня и из этой.

* * *

Радуга — от века.
Но рассвет кровав.
Как-то всё излишне, хищно знаково!..
Был ли я похож на человека, —
А?..
Кажется, что был,
но не на всякого.

* * *

Вот, пойми, чего мне хочется
(может, вместе и поймём):
Мне приснилось одиночество,
Одиночество — вдвоём.

Толкнулись две горошинки,
Раскололись, и — окрест...
Я очнулся — никогошеньки.
Одиночество, как есть.

И — во что при этом верится?..
(Что ни тронь — везде труха!..)
Под горой стояло деревце,
Приснодевица-ольха, —

Над горою вишня белая
Воздевала кольца рук...
Отряхнулась, — стала спелюю.
Можно есть. Вот так-то, друг.

А листва?.. С неё ли спрашивать?!
Ей иных не надо благ,
Кроме солнца (сердца нашего!..),
Кроме ветра наповал!..

Он пылинки (всем!..) с плеча сдувал!..
До скелетов ободрал.
Хоть листва

была ли счастлива?..

Будет лето, — скажем: «Да».

* * *

Снег!

Ну, когда ж он выпадет —

снег?..

Когда утихнет

жёлтая эта

вьюга?..

Дай — снег!..

Чтоб снова

начали все

Покойно и вольно

терзать и жалеть друг друга.

Скрипичный концерт

1.

Проиграй мне, скрипка,
Песенку простую
Про дорогу в детство:
Вдруг, туда рискну я!..
Если же не выйдет
(гений-дробь-злодейство...)
Что ж: Всевышний видит
(я ж ведь не бастую!..
Ты сыграй мне, скрипочка,
Песенку пустую...

2.

Вижу: ты, вроде, получше стал.
Держишься на ногах...
В том твоё преимущество,
Ну, а попроще — крах.

3.

Ты был безжалостен к себе
В своей судьбе... в своей борьбе
Всё с той же — своей — судьбою...
Так помни же: **Я** — с тобою.

4.

А напоследок, скрипочка,
Выдай мне справный туш,
Чтобы я в такт подвсхлипывал,
Но собирался в душ.
Где бы отмылся — намертво!
(на все свои времена...)
И чтоб тебя, моя скрипочка,
Больше не вспоминал.

2010

* * *

Приснился покойный дед.
Чёрт-те, как разодет:
Строжайший костюм — что панцирь!..
Но — сигарка меж пальцев.

И он говорил как будто
В трубку (Бог весть, кому там, —
Грезилось-то — во сне!..):
«Все собрались — вас нет!

Что за дела?.. Ну, с Богом...
Ждём...» Я окинул оком
Комнату, — пара окон,
А за столом — лишь я...
Либо — не в тон струя?..

Сон-то, вижу — не в руку...
Тут я решил: а ну-ка,
Надкушу огурца!..
...Но — увидел отца.

Точно, не в тон... Я — óжил!..
Снова окинул... Боже, —
Сколь приятненький стол!..
Но я-то, — кто я здесь? Что?..

Дед, посмурнев с затылка,
Соленый грибок на вилку
Цепляет... и — закусил...
А у меня — ни сил,

Ни воли...
Не оттого ли
Кисну я в стороне?..
Нет: меня, просто — нет.

Не было!.. И не надо.
Милая! — ты не рада?..
Знай: всё тут сплошь — неправда, —
Плачьтесь не обо мне!..

Меня ж — сметите, как мусор!..
...С тем-то я и проснулся.
И вспомнил, включая свет,
Что сам — давно уже дед...

2011

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Послесловие... Что там после слов?

Гамлет говорил: «Дальнейшее — молчание» (или «тишина» — в другом переводе).

Пишу потому, что беседовать после ухода Алексея Давыденкова мне стало не с кем. Зная автора более 30 лет, трудно говорить о нём только как о поэте.

Помещается ли весь человек в творчество? Или это лишь возможность быть другим для других.

Сам А.Д. пишет об этом в «Автобиографии»: «таким образом, круг (или область) творчества очерчивается так: «эпос — лирика — эссеистика»».

А.Д. — мастер пунктуации, его скобки очень образны и обдуманы. Виртуозны также его тире.

«... явился на свет Божий в Ленинграде (1952 г.) в качестве специфического подарка для своей матери, у которой в тот именно день (14 июня) намечался собственный — её — день рождения».

«Красное словцо» заставило в последний раз быть неожиданно точным: он ушёл из жизни за 2 дня до — своего — дня рождения.

Автобиография его перед стихами маргинальна по сути — это заметки на полях. В каждой строчке — «это было», но «не в этом дело». Написал так, будто за этой есть какая-то другая биография. Забавно «смазал карту будня», использовал её стилистически — ввёл свою ироническую интонацию ещё до стихов.

Надо сказать, книга издана на средства родных и небольшого круга знавших его (если не считать пользователей Интернета, в котором он был неожиданно для себя популярен).

А.Д. обеспечил себе «завидную и прочную безвестность». Это его собственные слова. Хотя не безвестности он добивался, а независимости. Чего это стоило? — вопрос не судьбы, успеха или неуспеха, а собственного выбора и определённых качеств, оказавшихся времени не нужными.

*Как бы ни жил: активно ль радуя всяких близких,
Или не близких, иль неактивно, иль — огорчая, —
Меня подчас навсегда вычеркивают из списков
И, вместе с тем, в какие-то списки пока включают.*

В этой строфе он учёл, кажется, все варианты неостребованности, и, как Овод перед расстрелом, одобрил.

Дальнейшее чтение книги разъясняет, в чём эта другая биография.

Вычеркнутость из списков «горних канцелярий» оказалась неким сакральным переходом в другую систему отношений и ценностей, где прослеживаются оттенки значения слов, состояний, поступков или не поступков, где всматриваются, прикасаются к дереву перед тем, как пойти «в своё гнездо», где на лестнице над шагами «работает эхо» (это такая нимфа — Эхо); где «теряя листья, обретают гордость, а «сад от ветра раскачавшийся, от ветра встречного затих»; где можно «вкусить лотоса» от тополя; где «удалось расписаться в своём малодушьё», зато вместо встречи можно перечитать в дождь Ван Вэя...

Много там всяких чудес, которые поспешат назвать романтизмом, тогда как это просто поэзия.

Конечно, это романтическая позиция в жизни, но в литературе естественная общая копилка: все берут, а там «не сякнет струя».

Но герой А.Д. знал об уязвимости этой позиции в жизни:

*Я все обрёл, и было бы нескромно
Все вновь беречь...*

Такого отчуждения, отречения, что ли, не предполагает это направление. Да и возможности пошутить там ограничены:

*Сколько способов бранных судить с кондачка!
Например: «Если кормит, то — любит».
Где найдёшь себе, чем заморить червячка?..
В хватком клюве моем, бодром клюве.*

«Близость слов неравно высоких», как говорили в XVIII веке, — тут умение обыграть экзистенциальную ситуацию и на повышение и на понижение (типа «я местный ворон»). Сам А.Д. объяснил это в «Братании с новогодней ёлкой»:

*«...Ибо — несть ложь, но ответственный вымысел,»
(выделено автором!).*

Театр его стихов любит жест, монолог, развёртывание какого-нибудь подспудного сюжета, вживание в мифологему, бесконечные, иногда затемнённые аллюзии, переклички, — чтобы задать «дальний контекст» и неоднозначность происходящего.

Так создаётся личная мифология, большое количество подробностей в единицу времени, как бывает в театре, который А.Д. хорошо знал, особенно жизнь за кулисами, — работая в театре им. В. Ф. Комиссаржевской.

И ещё стихам предшествовало чтение, литературность, которую он любил обнаруживать, а не скрывать, но в этом было указание на первоисточник, на прецеденты в искусстве. Он любил их находить и писать о них в прозе, в своих «Маргиналиях».

Он хотел, чтобы говорили некие сущности сами за себя. Впрочем, важно было не то что читалось, а — как. Так в стихотворении, где герой вдруг обнаруживает себя на скамейке под розовым пластиком около Инженерного замка, «читая в дождь знаменитого поэта эпохи Тан...» (это из заглавия):

Как странно я сижу.

Не размениваясь на описания, констатируется странность положения поэта в качестве проводника неназываемой информации, поэта, который является часто катализатором каких-то неведомых ему процессов, оказывается не то чтобы творцом, а инструментом для игры каких-то важных сил.

*Как странно я сижу:
Я лишь присел перелистать Ван Вэя,
Тут дождь — и мне не встать.*

Дело не только в обнаружении метафизической глубины, но в векторе силы, когда потребуется не только глубина, но правда.

*Могу читать: лишь в этом обретенье
Тех связей, что отрезаны дождём.*

Тут не столько дзен-буддизм, сколько неожиданное открытие связей.

В прозе это открытие других людей осуществилось ещё полнее. Люди были уже не словами, а людьми.

Этот, пожалуй, единственный отзыв на стихи А.Д. в печати оказался довольно высокомерным

Мы-то уже знаем код литературных масок А.Д.

А.Д. в этой вещи не любовался собой, взяв чужой размер, скорее протестовал против стерильности и простоты постмодерновской цитировки. Нарочно затемнял источник. Но для современного уха больше двух контекстов — уже много.

Думаю, А.Д. как раз воссоздавал миф о поэте, но на прежних основаниях (красоты).

Его стихотворение «Муза» («я слишком знаю: ты была, ты — есть») может показаться старомодным: о тайной встрече с Музой, которая «есть», вернее, «была». А для него довольно важная мифологема, если вспомнить Ахматову, которая говорила, что Муза является «последней тайной лирического поэта».

Можно только упрекнуть его за то, что не все знают этот контекст. Не потому ли он и взялся за эссеистику, чтобы восстановить разорванные цепочки... Кстати, почти всю жизнь он вел дневники и делал выписки из прочитанного. Осталось несколько больших общих тетрадей и блокнотов.

Тут он, пожалуй, слишком хорошо знал, что делал. Выручал лаконизм и «сближение далековатых идей».

Дело не в отзывах критики. По-настоящему никто никого не читает.

Об этом у А.Д. есть иронический трактат (то ли памфлет, то ли сценарий мультфильма) «О старинных друзьях» (1994, самиздат), где довольно узнаваемые тогда друзья Андрюша, Боря и Лёша, написавшие первое совместное стихотворение ещё в яслях, сидя на горшках, совершают забавное путешествие в Древнюю Грецию, общаясь по пути (в духе хармсовских анекдотов) с отечественными и зарубежными классиками.

Там есть рассуждение о литсудьбе и литжизни: чтобы вторую вести, первую надо обрести. Реконструирую цитату:

«Мы ведь не о личных жизнях пишем, — о литературных».

«Потому что нужна для литературной литературная и судьба».

«А на литературном-то — толчея... Только ты, было, стал оглядываться: мол, что за люди? — тебя — бац! —

толкнули. Только захотел рассмотреть: кто толкнул — тебя опять. Да, вот такие люди.»

«...Первый полученный тобой здесь толчок — он Первотолчок и есть, — тот самый — первооснова всякого вообще литературного опыта.»

«И потому-то, в целом — всё это далеко не так мрачно: вполне может так повернуться случай, что ты кого-нибудь сам толкнёшь. Хуже другое: некоторые здесь, явно на страх одиноким толкунам, толкутся вместе, организуясь в противозаконные, надо полагать, группы... Вот тебе бы так...».

Так он думал об этих лилипутских толкунах в 1990-е. В нулевые годы изменилась только технология. А вот «противозаконных» групп А.Д. не избегал: играл то в журнал «Топка», то в литературную группу «Среда», вступил не в тот союз писателей, куда вступили все друзья... Что-то не позволяло туда вступить, если там толкаются, да ещё «такие люди».

И всё-таки в котельной мы вели далеко не только литературные разговоры.

Я: Она (знакомая) говорит, что люди так не поступают...

Он: А ты скажи ей, что ты не человек.

Нормальный ход мыслей А.Д.: не поза, а позиция. И ещё школа парадоксального мышления — от даосов до Ионеско (его пьесу «Носорог» А.Д. перевёл в котельной)

На самом деле «скажи, что ты не человек» — не демонизм. Речь тоже о творчестве: «Всё быть должно некстати, не так, как у людей» (Ахматова), и масса других ассоциаций: «Не верь, не верь поэту, дева» (Тютчев); «Человек должен бы знать, что он не все двадцать четыре часа человек» (Чаадаев)... Доведение до абсурда было в рамках искусства и роли поэта.

Он часто играл пушкинского Вальсингама, а ведь «актёры — не совсем люди, реальность с них не спрашивается» (Н. Берковский).

Таков код одной только фразы. За словами оказывались утраченные стили поведения. Впрочем, он знал, что это «старо и безграмотно» (слова Пастернака), и всё-таки в реальной жизни довольно честно проживал предложенные судьбой обстоятельства. Три его брака не стали семьями, он предпочёл жизнь одиночки. Дети, кажется, это понимали и признавали.

А когда мы говорим о дамах, которых он называл «современницами», то это были вполне рыцарственные разговоры: часто «без страха» откровенно, но зато и «без упрёка» гуманно. Литературные связи редко когда путались с любовными, и уж точно, не наоборот. Хотя цветаевское «начинать наугад с конца и оканчивать до начала» — тоже приветствовалось. Пока последнее не захватило неожиданно и целиком. Чувство «страшной свободы», которое по совместительству оказалось и дружбой и последней любовью.

Ты, я слышу, дышишь?.. Значит, в форме.

Просто: пробежала... вижу, свет...

Значит, жив. А говорили: «по-омер»!..

Но тебя и там всё нет и нет...

А если бы героиня, и правда, забежала тогда в общежитие педвуза на Стачек, то увидела бы признаки независимости от женщин и трёхразового питания. И в одежде это проявлялось (поэтесса Ольга Бешенковская привезла ему из Германии куртку, но он её мало носил, любил другой её подарок — серебряную рюмочку), и в плантации зелени (укроп, лук, петрушка) на подоконнике. Он бы угостил гостью фирменной гороховой кашей, куда клал все эти «зеленя», — а сама каша была розового цвета, туда добавлялась «для витаминов» неварёная свёкла...

Может быть, гостя застала бы его опыты по делению литра водки на три шкалика, на завтра, на смену в котельной (ещё Бродский открыл, что литр легче делится на двоих). А.Д. часто делил на одного, дозировал, и в это до последнего верилось, пока не стал побаливать, ни в коем случае не ходил к врачу, ненавидел разговоры об инвалидности... Он и тут *слишком* хорошо знал, куда шло дело.

В последнюю зиму работы в котельной (а таких зим было не менее 30) А.Д. поставил рекорд пребывания на смене — 6 смен подряд. Сменщики пили или болели, совмещали с другой работой. А ему уже было невподым добираться до Стрельны, огорчать маму. Получалось, что он один заменял двух, отпускал их домой, что, конечно, не по инструкции.

Один молодой сменщик пошутил, что когда всех разгонят, а здесь сделают бассейн или библиотеку, то её надо будет назвать именем «Алексея Ивановича Да-

выденкова», ибо дух его будет здесь витать... Парень шутил, но в шутке всегда есть доля шутки.

Кстати, тут работали в разное время минимум семь поэтов: Махоткина, Ланковская, Бешенковская, Крыжановский, Скидан, автор этих строк, да ещё кто-то. Теперь это автоматическая «безлюдная» котельная.

Котельная тонула тогда, как корабль в рассказе Конрада, который Лёша мне раньше пересказывал (а ещё были Эдгар По, Александр Грин, «Сага о Йёсте Берлинге» Сельмы Лагерлеф, Чжуан-цзы и др.). Корабль тонул довольно долго: день, ночь, и весь следующий день до ночи. На третий день другие, «столпившиеся вокруг корабля» (он, кажется, так и сказал) наблюдали за этим чисто из спортивного интереса, весь груз был уже перенесён. Корабль к тому же ещё мирно горел. Люди неохотно перебрались на другие суда.

Помнится, он называл котельную своим кораблём. Этот корабль тогда потонул, как и сама идея андеграунда (А.Д. упомянут в литературной энциклопедии «Самиздат Ленинград», НЛЮ, 2003), а с ним желание работы вне системы.

А.Д. засел дома. Ходил с палочкой. Редко выбирался на тусовки. Пробовал редактировать американские романы о каких-то вампирах, но его в издательских сферах не знали, придирались... к тому ли, что не знает английского, или к тому, что не так выглядит. Работу пришлось бросить. Мы ещё перезванивались. Стихи у него шли до последнего дня. Тоже оказались непотопляемыми.

В настоящем мифе есть загадки, но нет вопросов — как и у матросов нет вопросов — одни ответы.

Не удивлюсь, если мы встретим его в военноморской форме, с ленточками, как он писал в одном стихотворении:

*Тут и я плыву навстречу:
В черных лентах, в «лычках» свежих —
А во лбу звезда горит.*

.....

*Преломив в себе, как в призме,
Направлень многих жизней,
Как осенний бриз, капризных,
Невозможных навсегда.*

Борис Григорин
Ноябрь 2011 г.

Содержание

АВТОБИОГРАФИЯ	3
I. КОСНУВШИСЬ ДЕРЕВА	5
«Ветер играет обрывками слов...»	6
«Я смеюсь...»	7
«Коснувшись дерева...»	8
«Даже и в снах моих ночь полна...»	9
«Теряя листья, обретаешь гордость...»	10
«Круж, ит, метёт... Сказать, что «всё бело» ...»	11
«Так подробно расцвечен двор...»	12
«Возле дерева постой...»	13
«Вкусивший лотоса от тополя...»	14
«Только и спрос: сосчитав до трех...»	15
«Как бы ни жил: активно ль радуя всяких близких...»	16
На скамейке возле Инженерного замка читаю в дождь знаменитого поэта эпохи Тан	17
Продажа флоксов	18
«— Когда же, когда же...»	19
«А еще — деревья... Стонут...»	20
«Улыбнись, мое солнце...»	21
«Она говорит, перекусывая нить...»	22
«Это — след и во тщету...»	23
«Привечая рассвет, погружаясь во тьму...»	24
«Завидной и прочной дождавшись безвестности...»	25
«Сижу над рифмой, как над гробиком...»	26
«Оставалось мне — уйти...»	27
«...И тогда — я приснюсь тебе...»	28
«Сколько способов бранных судить с кондачка...»	29
Братание с новогодней елкой	30
«Первая, третья — бабочки...»	32
По Стивенсону	33
К Музе	34
«Труд — не тяжелей, чем скинуть ношу...»	35
Стансы к луне	36
«В последний миг, обложенный кругом...»	37
Из цикла «Седая ночь»	38
Отправился в Царское Село навестить дочь, и, не застав её, сижу на пенёке близ её дома (скамеечки плотно усижены пенсионерками), — просто, жду	39

В густой ночи обнимаюсь с багряно-золотым старым кленом	40
«Припаду к золотому листку...»	41
Одесские мотивы	42
«Будут метели визжать и выть...»	44
«Словно на зов трубы —...»	45
«Свободен! Больше ничьим не будь...»	46
Интимное приключение в Стрельне	47
«— Поэт! А ты не допился ли...»	48
«Вон, взгляни, какое дерево...»	49
«Я внятно слышал твой укор...»	50
«Поспешаю поутру, ближайший бар ища...»	51
«Сквозь сон твержу: дескать, жив! Я — жив...»	52
«Ну, жил. Куролесил, — не то, чтоб оч...»	53

II. СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВОШЕДШИЕ В КНИГУ 55

«Я уходил на крутых ладьях...»	56
Рыбалка	57
Август	58
«Всё резче зелень под водостоком...»	59
«Вот и всё, мой друг, улетай...»	60
«Повадка Пряхи и впрямь грузна...»	61
«Как стол, раздвинутый в ширину...»	62
Из поэмы «Двойная тень»	63
«Жизни вымученный жгут...»	64
«Муза моя! Будь...»	65
«Над стрелкой трамвая, что храм при погосте...»	66
«Еще эта речка покрыта льдом...»	67
Эолова арфа	68
Летний дождь	70
«Не туман и не мгла, но сырость...»	71
«Поодаль от домов два дерева сошлись...»	72
«Те дома, где я жил...»	73
Аутотренинг	75
«Вон там, за дверью — мой дом, очаг...»	77
«Похоже, и вправду — страсть...»	78
«Кого за что...»	79
«В час предвечный, в толще буден...»	82
Гулливер	84
Жизнь Гнора	86
«Сию минуту за окном...»	87
«Жила на свете птичка...»	88
На третий голос	89
«Что спорить? Родился. Пожил, помечтал...»	90

СТИХИ 1996–2011	91
«О чем я спорил...»	92
Два голоса	93
Decrescendo-crescendo	94
«Радуга — от века...»	95
«Вот, пойми, чего мне хочется...»	96
«Снег!...»	97
Скрипичный концерт	98
«Приснился покойный дед...»	99
ПОСЛЕСЛОВИЕ (Б. Григорин)	101